

УДК 618.33

ИННА ШЕВЕЛЬ,

кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологии факультета журналистики и международных отношений Киевского национального университета культуры и искусств

Современный социальный конфликт: микроструктурный подход Р.Коллинза

Аннотация

По мнению Р.Коллинза, неравенство обменных ресурсов неизбежно порождает конфликтный потенциал такого взаимодействия. Продвигаясь от микроанализа обменных отношений, он выходит на макроуровень социальных процессов вокруг проблем стратификации, функционирования организаций, государства, геополитики. Методологические основы подхода Р.Коллинза к социальным конфликтам раскрываются в его концепции “неочевидной социологии”, суть которой состоит в признании равноценности рациональных и иррациональных оснований социологических знаний. “Неочевидная социология” — это социология нерационального. Общество строится, по его убеждению, на преимущественно эмоциональных процессах, которые устанавливают социальные связи между общностями людей. Между ними всегда возможен конфликт при одновременной консолидации действия внутри группы. Солидарность продуцирует ощущение группового единства. Как пишет Р.Коллинз, для социологов конфликт и солидарность — это две стороны одной медали. Группы имеют наибольшую внутреннюю солидарность, когда мобилизуются против внешнего врага. То есть конфликт ведет к солидарности, по крайней мере в некоторых группах.

Ключевые слова: *конфликт, социальный конфликт, конфликтный потенциал, неочевидная социология, солидарность, ритуалы*

Парадигма анализа социальной конфликтности преимущественно представленная макросоциологическими теориями. Проблематику *конфликта* разрабатывают на макроуровне в контексте крупномасштабных теоретических построений, связанных с задачами объяснения социокультур-

ных изменений в современном обществе. Вместе с тем проблематика конфликта носит сугубо прикладной характер. На нее есть широкий спрос применительно к вполне конкретным ситуациям, когда наблюдается столкновение интересов двух или большего числа сторон. Мы можем сказать, что для нашего общества характерно нарастание конфликтности. Формулировка целей таких исследований предполагает прежде всего изучение сторон конфликтности. В противовес этим господствующим тенденциям, Р.Коллинз обращается на теоретическом уровне к микроуровню социальной реальности, исследуя, что происходит в случае межличностного взаимодействия, когда возникает конфликтная ситуация.

Здесь он использует концептуальные идеи и положения последовательней символического интеракционизма И.Гоффмана и Г.Гарфинкеля, хотя основные их научные интересы далеки от конфликтологической традиции. Р.Коллинз отталкивается от основополагающего принципа толкования процессов взаимодействия, который заключается в раскрытии скрытых последствий обмена ресурсами и создаваемых в условиях неравного обмена ритуалов в контексте усилий, направленных на уменьшение напряженности, возникающей в такой ситуации. В теории обмена конфликтные аспекты всегда оставались в тени, тогда как, по мнению Р.Коллинза, неравенство обменных ресурсов неминуемо порождает конфликтный потенциал взаимодействия. Продвигаясь от микроанализа подобных отношений обмена, он выходит на макроуровень социальных процессов вокруг проблем стратификации, функционирования организаций, государства и вплоть до уровня геополитики. Двигаясь в русле веберовской традиции многофакторности, Р.Коллинз применяет конфликтный подход к таким сферам, как деятельность научных организаций, политических партий, военных операций, классовых культур и т.п.

Макроанализу таких “социальных структур” должен предшествовать анализ микропроцессов в рамках “цепочек ритуального взаимодействия” [Terner, 1991: p. 228–231]. Макроструктурные концепции, по Р.Коллинзу, в значительной мере метафоричны, тогда как микропроцессы в социуме более пригодны для непосредственного изучения и объяснения. Он обращается по этому поводу к аналогии наблюдения за людьми из самолета: картина открывается достоверная, но без красок, деталей, придающих ей определенный смысл [Collins, 1975: p. 56].

Методологические основы Коллинзового подхода к социальным конфликтам раскрываются в его концепции “неочевидной социологии” (см.: [Collins, 2004a; Коллинз, 2004]). Суть этой концепции состоит в признании равноценности рациональных и иррациональных оснований социологических знаний. “Неочевидная социология” — это социология нерационального. По его убеждению, общество строится на в значительной степени эмоциональных процессах, которые устанавливают социальные связи между общностями людей. И здесь всегда возможен конфликт между ними при одновременном консолидирующем эффекте внутри группы. Солидарность продуцирует ощущение группового единства. Убедительным примером может быть религия, в которой через механизмы соответствующих ритуалов формируется общность. Но здесь в основе мы имеем, подчеркивает Р.Коллинз, не рациональность, а иррациональные ощущения. “Неочевидная социология” призвана расширить наше знание об общественной жизни, где далеко

не всегда побеждает “здравый смысл”. Именно существование социальных конфликтов выступает убедительным доказательством сомнений во “всеобъемлющей силе рациональности”.

Собственно, повсеместное наличие конфликтных отношений, их распространенность свидетельствуют об отсутствии той “всеобъемлющей силы рациональности”, на которую так полагались основатели социологии. Классическими, в частности, считаются суждения М.Вебера о бюрократии, когда “высоко рационализированная организация” превращается в абсолютно неэффективную организацию. В том же духе следует толковать и примеры неожиданных иррациональных последствий рациональных процедур. С другой стороны, К.Маркс писал о том, что погоня за прибылью не учитывает сугубо человеческих, нематериальных ценностей; в этом, собственно, проявляется антигуманная сущность капитализма, то есть функциональная рациональность капитализма оборачивается против иррациональной природы человека. В целом у Р.Коллинза прослеживается стремление синтезировать идеи К.Маркса, М.Вебера и Э.Дюркгейма касательно баланса рационального и иррационального, материального и духовного в социальных явлениях [Collins, 2004b].

Для обоснования своих выводов Р.Коллинз обращается к концепции “социологии Бога” [Collins, 2004a: p. 431–439]. Развивая мысли Э.Дюркгейма в отношении социологии религии и происхождения общественности, он пишет, что если собственное общество возможно только на нерациональных основаниях, тогда приходится признать, что даже наша нынешняя направленная на самопознание рациональная мысль должна рождаться на почве неких нерациональных процессов. Это помогает понять теорию социальных ритуалов. Истоковывая природу “рождения” богов, социологи открыли смысл ритуалов и символов, без которых невозможно существование любого рода групп и которые служат основой всех религий. Вслед за Э.Дюркгеймом Р.Коллинз утверждает, что бог — это символ общества, это та реальность, которой приписывается характер божества. То есть вне нас существует нечто могущественное, что определяет нашу жизнь. Иными словами, “общество постоянно присутствует и вне нас, и внутри нашего сознания”, — пишет он [Collins, 2004a: p. 439]. Поскольку религия символически воспроизводит главные реалии общества, она всегда оставляет место для конфликтов в своей системе символов. Общество никогда не бывает полностью единым, поэтому и религия должна воспроизводить существование конкурирующих богов, злых духов, дьяволов и т.п. Символизм религий отражает реалии социального мира.

Как пишет Р.Коллинз, для социологов конфликты и солидарность — это две стороны одной медали. Группы имеют наибольшую внутреннюю солидарность, когда мобилизуются против внешнего врага. То есть конфликт ведет к солидарности, по крайней мере в некоторых группах. Возникает вопрос: почему всегда существует целый ряд разных конкурирующих групп? Это — экономические группы и группы занятости, расовые и этнические группы, семьи, политические партии, социальные движения и т.п. Ответ трудно найти на основании одной социологической теории. Тем более нельзя исходить исключительно из рациональных расчетов. Группы образуются вовсе не по К.Марксу, который считал, что это происходит, когда люди осознают свои общие (материальные) интересы. В действительности осо-

знание интересов — это то, что лежит на поверхности вещей. Под внешним пластом скрыта сильная эмоция, ощущение группы людей касательно своего сходства и общей принадлежности. То есть большое значение приобретают именно моральные чувства, которые объединяют людей в группы, а тем, что продуцирует эти чувства, являются *социальные ритуалы*.

Социальные ритуалы проникают во все уголки социальной жизни. Как доказывает социолог, социальные общности основываются не просто на рациональном выборе, а на субрациональных чувствах. “Для тех индивидов в современном обществе, чей социальный опыт состоит из огромного разнообразия разных связей в широком диапазоне сети знакомств, ритуалы взаимодействия приобретают совершенно иную форму” [Collins, 2004a: p. 461], однако они остаются ритуалами, разновидностями “секуляризованной религии”. Р.Коллинз также пишет, что “существуют ритуалы гармонии, равно как и ритуалы конфликта” [Collins, 2004a: p. 463].

Отсюда следует, что разработка и применение теории ритуалов может многое дать для понимания пестроты социальной жизни. Это важная составляющая “неочевидной социологии”, которую ее основатель пытается развивать, и оригинальный вклад в современную теорию социальных конфликтов.

Ведущий аналитик развития истории социологической мысли Дж.Тернер называет концепцию Р.Коллинза “обменной теорией конфликта”, где ключевыми являются две составляющие конфликтных взаимоотношений: обмен ресурсами и использование ритуалов. Речь идет о том, что в условиях неравного обмена ресурсами люди обращаются к определенным ритуалам, помогающим снизить возникающую в данном процессе напряженность. Привлечение положений теории “социального обмена” и микроуровневый подход конфликтологической концепции Р.Коллинза, по мнению Дж.Тернера, выдвинули его в первый ряд современных теоретиков социального конфликта [Terner, 1991: p. 228–253]. Общие рассуждения Р.Коллинза об обменных и ритуальных основах социальной структуры и сомнения в плане последствий влияния макроизмерений на взаимодействие изложены в его более ранних работах. В “Социологии конфликта” [Collins, 1975] Р.Коллинз предложил последовательные шаги для создания более общей социальной теории. Во-первых, нужно исследовать типичные ситуации из реальной жизни, в которых люди познают друг друга. Во-вторых, нужно сосредоточиться на существенных договоренностях, влияющих на взаимодействие физического измерения ситуации, средств и способов общения, доступных инструментов, приспособлений и материалов. В-третьих, необходимо оценить доступные ресурсы, которые люди привносят в ходе встреч, используют или получают. В-четвертых, следует обдумать гипотетические предположения относительно тех, кто имеет ресурсы и соответствующие преимущества, и тех, кто не имеет ресурсов и ищет лучших возможностей, на которые можно надеяться в данной ситуации, и в отношении стабильности и изменений, объясняемых в терминах распределения ресурсов. В-пятых, нужно предположить, что культурные символы (идеалы, убеждения, нормы, ценности и т.п.) обычно представляют интересы тех сторон, которые имеют ресурсы, и должны придавать весомость их взглядам. В-шестых, необходимо искать общее и родственное в отдельных случаях, чтобы высказывать бо-

лее абстрактные суждения касательно эмпирических особенностей ситуации.

По мнению Дж.Тернера [Terner, 1991], работы Р.Коллинза являются одним из наибольших творческих достижений социальной теории. Р.Коллинз избегает чрезмерностей релятивизма и солипсизма. Его сила — в готовности к теоретизированию; он согласен теоретизировать о широком диапазоне явлений в их общественных проявлениях на основе ограниченного числа основоположных положений. Таким образом, он достигает аналитической широты без построения слишком сложных концептуальных схем.

Субстанциональность теоретического подхода Р.Коллинза отражает творческое начало. Он стремился осмыслить природу микровзаимодействия и понять, как она вырабатывает и воспроизводит макроструктуры, которые, в свою очередь, влияют на микроуровень. Он делает акцент, возможно, и слишком полемично, на микроосновах социальной реальности, но его концептуализация микросферы под углом зрения обмена и ритуала с использованием ресурсов в своих интересах и макросферы под углом зрения цепочки встреч, взятых во времени и пространстве, оказывается полезным способом видения социального мира. Но имеются и некоторые проблемы с применением этого подхода. Во-первых, несмотря на его утверждение, что существующие социальные теории являются скорее метафорическими в концепциях структуры, его собственные формулировки также весьма расплывчаты и метафоричны. Он редко четко определяет свои понятия, что зачастую мешает постичь даже такие центральные понятия, как ресурсы, власть, принуждение, собственность, богатство, переговоры, ритуалы и т. п., именно в его понимании. Проблема еще и в том, что когда Р.Коллинз рассматривает конфликты в терминах социологии, ему недостает дедуктивной строгости суждений. Многие предложения “перекрывают” друг друга. Естественно, можно утверждать, что на ранних этапах построения теории такая дедуктивная точность невозможна, да и нежелательна. Однако когда понятность уступает теоретической элегантности и точности, это, очевидно, себя не оправдывает. В итоге Р.Коллинз вынужден сформулировать определенные теоремы, чтобы в полной мере реализовать потенциал своего подхода.

Не менее важно, что работы Р.Коллинза полны творческих прозрений. Он черпает идеи из различных интеллектуальных традиций и объединяет их со своими идеями, и результаты стимулируют дальнейший поиск.

Однако основной вывод однозначен: корни социальных конфликтов не могут получить исчерпывающего рационального истолкования, а солидарность основывается на ощущениях и символах, являющихся преимущественно иррациональными. То есть человеческие объединения формируются скорее не “осознанием общих интересов”; под этим поверхностным слоем скрыты чувства и эмоции, ощущение группового родства и общей принадлежности. В частности, религия служит примером подобного культивирования ощущения групповой связи. Церковные ритуалы можно рассматривать как “ключевые кирпичики” этой конструкции. Такого рода ритуалы, подчеркивает Р.Коллинз, становятся социальными механизмами, которые создают группы и скрепляют их социально значимыми символами. Общие ощущения и символы, иррациональные по своей природе, образуют основу социальной солидарности, формируют общность.

Источники

Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Рэндалл Коллинз ; пер. с англ. Вадима Росмана. — М. : Территория будущего (“Университетская библиотека Александра Погорельского”), 2009. — 320 с.

Коллинз Р. Социологическая проникаемость: Введение в неочевидную социологию / Р. Коллинз / Личностно-ориентированная социология / пер. В.Ф. Анурина. — М. : Академ. проект, 2004. — 608 с.

Berlin I. Karl Marx : His Life and Environment. — N.Y. : Oxford University Press, 1963. — 253 p.

Collins R. Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science / R. Collins. — N.Y., 1975. — P. 56.

Collins R. Interaction Ritual Chains / R. Collins. — Princeton : Princeton University Press, 2004.

Collins R. Łańcuchy rytuałów interakcyjnych / R. Collins. — Kraków : Novus, 2009.

Collins R. Sociological Insight: An Introduction to Non-Obvious Sociology / R. Collins. — 2004. — P. 431–439.

Turner J. The Structure of Sociological Theory / Turner J. — 5ed. — Wadsworth Pub., 1991. — P. 228–231.